

Кара Мин

СВЁКОР
Контракт
— с катастрофой —

18+

Кара Мин

Свёкор. Контракт с катастрофой

«Автор»

2026

Мин К.

Свёкор. Контракт с катастрофой / К. Мин — «Автор», 2026

Он привык всё контролировать — людей, сделки, эмоции, каждый свой шаг. Она ворвалась в его жизнь как ураган. Но эту случайность не предусмотрел ни один контракт.

© Мин К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	16
Г	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Кара Мин

Свёкор. Контракт с катастрофой

Глава 1

Когда Герман Викторович Шторм вошёл в ресторан, метрдотель инстинктивно выпрямился и чуть не отдал честь. Шторм не шёл — он перемещался. Как фронт атмосферного давления. Воздух вокруг него сгущался и требовал подчинения. Запонки блестели холоднее, чем взгляд.

Официант, разливавший воду за центральным столом, от волнения промахнулся мимо бокала и полил скатерть. Шторм остановил на нём взгляд на полторы секунды. Официант поседел на треть.

— Заменить, — произнёс Шторм. Всего одно слово. Скатерть заменили за сорок секунд вместе с официантом.

Справа уже сидел господин Крамер — сухонький, лысый, в очках, за которыми прятались глаза профессионального переговорщика. Их корпорации стояли на пороге слияния. Контракт лежал в кейсе у помощника. Дело оставалось за малым: благотворительный ужин, светская улыбка, рукопожатие. Шторм умел терпеть светские мероприятия. Он относился к ним как к визиту к стоматологу: неприятно, но иногда необходимо.

— Прекрасный вечер, — сказал Крамер, разворачивая салфетку.

— Вечер, — согласился Шторм. Прилагательное он опустил. Прилагательные стоили денег, а вечер ещё не доказал своей прекрасности.

В это же самое время в двадцати кварталах от ресторана Ася Цветкова пыталась открыть дверь цветочного фургона плечом, коленом и отборным матом. Дверь не поддавалась.

— Ты едешь или я вызываю экзорциста? — спросила она у машины.

Машина, будучи творением рук человеческих, не ответила. Ася вздохнула, поставила ведро с орхидеями на асфальт и дёрнула ручку так, что дверь распахнулась с победным скрипом. Ручка осталась у Аси в ладони. Отдельно от двери.

— Отлично. Мы в активной фазе отношений.

Она швырнула ручку в салон и полезла за руль. Часы на приборной панели показывали время, которое в приличном обществе называют «катастрофа». Заказ нужно было доставить в ресторан ещё двадцать минут назад. Диспетчер уже прислал три сообщения. Первое: «Ты где?». Второе: «Клиент важный, не подведи». Третье: «Ты уволена». Ася ответила на третье эмодзи с нимбом.

Кто именно этот важный клиент, она не знала. И слава богу. Потому что, зная она, что везёт цветы на мероприятие фирмы Шторма, то развернула бы фургон и уехала в закат. Желательно — в чужой.

Два года назад она была замужем за Никитой Штормом. Никита был красив, обаятелен и патологически не умел закрывать за собой дверь. Везде. Бракосочетание прошло пышно, а развод — тихо. Никита устал от её неуклюжести через три месяца. Ася устала от его ветрености через четыре. Они разошлись без скандала, но с облегчением. Через полгода Никита разбился на мотоцикле. С тех пор прошло полтора года, и Ася почти забыла, что носила фамилию Шторм. Почти. Фамилия Шторм в её сознании была связана с двойным чувством вины и облегчения одновременно.

Но главным кошмаром её недолгой семейной жизни был не муж, а свёкор.

Герман Викторович Шторм на первой же встрече окинул её взглядом, каким оценивают подержанный автомобиль, и, кажется, нашёл в ней трещину в блоке цилиндров. За всё время их знакомства он не сказал ей ни одного тёплого слова. Его невестка существовала для него где-то между сорвавшейся сделкой и пятном на паркете.

Фургон подпрыгнул на лежащем полицейском. Ведро с орхидеями в кузове подпрыгнуло вместе с ним и опрокинулось на бок. Ася услышала характерный влажный шлепок и закрыла глаза.

— Только не это.

На светофоре она обернулась. Орхидеи лежали в луже воды, переплетённые стеблями, как осьминоги в брачный период. Три цветка отломились и плавали отдельно.

Ася рванула с места так, что фургон издал звук обиженного бегемота. В голове её пульсировала одна мысль: «Зайти, поставить, убежать». Три глагола. План-спринт. Никаких контактов с гостями, никаких лишних движений. Она — серая тень в синей жилетке.

Она повторяла этот план как мантру, пока парковалась у служебного входа, хватала многострадальные орхидеи и толкала заднюю дверь ресторана.

В ресторане было тихо. Та тишина, какая бывает в дорогих ресторанах перед тем, как сто человек одновременно начнут есть за чужой счёт. Ася проскользнула вдоль стены мимо кухни, где повар в колпаке орал на кого-то шёпотом — особый ресторанный навык. Цветочная композиция, мокрая и слегка покоцанная, качалась у неё в руках.

Она почти дошла до фуршетного столика. Почти.

— Девушка, вы куда? — вырос перед ней администратор с лицом человека, которому недоплачивают за страдания.

— Я цветы. Доставка. Вот, — Ася кивнула на орхидеи.

— Вы с чёрного хода должны были...

— Я зашла. Я уже здесь. Вот цветы, вот я. Всё.

Администратор открыл рот, чтобы возразить, но в этот момент из главного зала раздался взрыв аплодисментов. Кто-то произносил тост. Ася воспользовалась паузой и рванула вперёд.

И вылетела прямо в центр зала.

Дверь, которую она толкнула, оказалась не служебной. Это была та самая дверь, через которую вносят именинный торт. И открывалась она напрямиком на центр зала, к главному столу.

Ася замерла.

В двадцати метрах от неё, в сером костюме и с выражением лица, способным заморозить тропики, сидел Герман Викторович Шторм собственной персоной.

Их взгляды пересеклись.

У Германа дрогнула бровь. Всего одна бровь. Но этого хватило, чтобы Ася поняла: он её узнал. И узнал с той же радостью, с какой узнают трещину в потолке.

Ася попятилась. Орхидеи в её руках качнулись. Каблук зацепился за край ковровой дорожки.

Дальше сработали законы физики. И у физики было отличное чувство юмора.

Ася поскользнулась. Левая нога уехала вперёд, правая — в сторону, корпус накренился, и цветочная композиция взмыла в воздух. Орхидеи, вода и стеклянная ваза описали широкую дугу.

Ваза приземлилась прямо на стол перед Крамером. Точнее, в супницу с тыквенным пюре. Фонтан оранжевой жижи окатил безупречную рубашку Крамера с головы до пояса. Крамер издал звук, похожий на «хр-р-р», и застыл с ложкой у виска.

Орхидеи рассыпались по гостям. Один цветок приземлился на лысину Крамера и остался там, прилипнув стеблем, как экзотический головной убор.

Сама Ася, пытаясь удержаться за реальность, схватилась за край скатерти и сдёрнула её на себя. Тарелки, бокалы, приборы и ведро со льдом и устрицами — всё это лавиной поехало вниз. Ледяная вода выплеснулась Герману Викторовичу на колени. Устрицы, скользкие и солёные, рассыпались по его брюкам.

Ася рухнула на пол, больно ударившись копчиком. Одна туфля слетела и улетела под соседний столик. Жилетка задралась. Волосы закрыли лицо. Она лежала на полу, в луже тыквенного супа, среди осколков стекла, и орхидея свисала с её плеча, как поверженный флаг.

В зале наступила тишина. Такая, какая бывает перед извержением вулкана.

Крамер медленно снял орхидею с лысины. Посмотрел на неё. Затем на Германа.

— Это часть вечера? — спросил он.

Шторм не ответил. Он сидел с мокрыми брюками, устрицей на колене и лицом человека, которому только что сообщили о наступлении конца света. Затем он медленно, очень медленно перевёл взгляд на распростёртую на полу девушку.

— Цветкова, — произнёс он. Голос был тихим. Таким тихим, что официанты у дальней стены попятнулись. — Ты.

Ася подняла голову. С волос свисала лапша из супа.

— Здравствуйте, Герман Викторович, — сказала она. — А я тут... доставка.

Шторм закрыл глаза. Досчитал до трёх. Открыл. Ася всё ещё была там.

— Свободна, — сказал он. Всего одно слово. Но в этом слове поместилась вся его ярость, всё его презрение и вся его уверенность в том, что эту девушку нужно было стереть из семейной истории ещё два года назад.

Ася поднялась. Вернее, попыталась. Правая нога скользнула в луже супа, и она снова чуть не упала, но чудом ухватилась за спинку стула. Стул опрокинулся. За ним — второй. Третий устоял, но зашатался.

— Я сама. Не надо меня провожать, — пробормотала Ася и, хромая на одну туфлю, двинулась к выходу.

За её спиной кто-то из гостей начал смеяться. Смех был нервный, неуверенный, но заразительный. Через секунду смеялся уже весь зал. Кроме одного человека.

Герман Викторович Шторм смотрел на пятно от супа на своём пиджаке. Смотрел на мокрые брюки. Смотрел на устрицу, застрявшую между пуговиц. И молча подсчитывал убытки.

Крамер, вытирая рубашку салфеткой, наклонился к нему:

— Эффектное появление. Долго репетировали?

Шторм повернул голову. Крамер осёкся.

Контракт, ради которого он полтора года вылизывал каждую запятую, только что утонул в тыквенном супе. Вместе с орхидеями. Вместе с Асей Цветковой. Женщиной, которая только что уничтожила его деловой вечер с грацией метеорита.

Где-то на улице, в переулке, Ася сидела в фургоне и билась лбом о руль.

— Он меня убьёт, — сообщила она лобовому стеклу. — Он меня найдёт и убьёт. И это будет самый аккуратный труп в истории.

Лобовое стекло не спорило.

Глава 2

Офис фирмы Шторма занимал сорок этажей стекла, бетона и дурного характера. Сотрудники называли здание «Айсберг» — и не только потому, что его фасад отливал холодной синевой. Главная причина сидела на сороковом этаже, в угловом кабинете, и ежедневно доказывала, что жизнь — это не праздник.

Утро после катастрофы в ресторане началось для Германа Викторовича с трёх новостей.

Новость первая: господин Крамер покинул город в семь утра, не попрощавшись. Контракт не подписан.

Новость вторая: в интернет просочилось видео, где на заднем плане видно, как лысину Крамера украшает орхидея. Ролик набрал двести тысяч просмотров. Комментарии были преимущественно с эмодзи плачущего от смеха лица.

Новость третья, озвученная начальником службы безопасности Романом Зуевым, человеком с шеей шире головы и голосом из бетономешалки:

— Мы её нашли. Цветкова Анастасия Павловна. Двадцать пять лет. Работает флористом в службе доставки цветов. Живёт в съёмной квартире на окраине. Долгов — полмиллиона. Судимостей нет. Кошек нет. Есть кактус, но и тот засох. Кстати, диспетчер из службы доставки подала заявление. Цитирует ваш эмодзи с нимбом как оскорбление. Грозит судом.

Шторм стоял у панорамного окна, спиной к Зуеву, и смотрел на город. Город внизу копошился, не подозревая, что на сороковом этаже решается чья-то судьба.

— Засох? — переспросил он.

— Кактус. Даже он не выжил.

— Заявление диспетчера оплатить. Пусть купит себе курсы эмоциональной устойчивости.

Шторм медленно повернулся. Зуев стоял навывтяжку, прижимая к груди папку с досье. Выражение лица у него было такое, будто он рапортует о готовящемся покушении.

— Она разорена, Герман Викторович. Долги по кредитам, аренда просрочена на три месяца. Ещё две недели — и её выселяют. Плюс ущерб ресторану. Администратор ресторана прислал счёт за испорченную скатерть, супницу и уборку. И за психологическую травму официанта.

— У официанта психологическая травма?

— Он теперь боится цветов.

Герман Викторович взял со стола ручку. Покрутил в пальцах. Ручка была дорогой, тяжёлой, из титана. Такими ручками хорошо подписывать контракты. Или ломать их о колено.

— Счёт ресторану оплатить. Видео удалить. Официанту отправить корзину орхидей — пусть лечится. А Цветкову — ко мне.

Зуев кашлянул.

— Добровольно она не придёт. После вчерашнего она, скорее, в другую страну уедет.

— А кто сказал добровольно?

Ровно в полдень Ася Цветкова входила в бизнес-центр с видом человека, который проиграл в лотерею, но почему-то должен за это заплатить.

Утром ей позвонили. Голос в трубке представился помощником господина Шторма и сообщил, что с ней «хотели бы обсудить вопрос трудоустройства». Ася сразу всё поняла. Её будут убивать. Вопрос был лишь в том, каким способом: утопят в аквариуме для переговоров или закатают в бетон на одной из строек.

Она надела лучшую блузку, собрала волосы в хвост и трижды перепроверила, не осталось ли в них тыквенного супа. Затем вышла из дома, споткнулась о порог, уронила ключи в почтовый ящик и пять минут выковыривала их шпилькой. Туфлю, потерянную в ресторане, она нашла на следующий день под третьим столиком, когда вернулась забирать ведро. Охранник смотрел на неё как на сумасшедшую. Всё шло по плану.

Холл подавлял. Он был огромным, стерильным и пах деньгами. Именно тем запахом, от которого у Аси начинали потеть ладони. Охранник на входе осмотрел её с ног до головы — и блузка, и хвост, и даже шпилька в руке — и молча кивнул на турникет. Её ждали.

— Четвёртый этаж, отдел кадров, — сказал он.

— А разве не сороковой? — удивилась Ася. — Мне казалось, казни проводят наверху.

Охранник не улыбнулся. Здесь вообще никто не улыбался. Это был корпоративный стиль.

Лифт оказался стеклянным и скоростным. Ася вошла, нажала «четыре» и приготовилась к короткой отсрочке. Но на десятом этаже двери открылись, и в кабину вошли двое. Первый — молодой человек с бейджем «Менеджер проектов», нервный, как белка на трассе. Второй — господин Зуев, начальник безопасности. Шея, плечи, взгляд — всё при нём.

— Четвёртый? — уточнил Зуев и нажал кнопку «сорок».

— Вообще-то мне на четвёртый, — пискнула Ася.

— Уже нет, — ответил Зуев. И улыбнулся. Но лучше бы он этого не делал. Улыбка у него была как у акулы, которая только что узнала, что в меню сегодня девушка.

Лифт взмыл вверх. Менеджер на десятом этаже вылетел пулей, прижимая к груди папку. Ася осталась наедине с Зуевым.

— Вы ведь та самая? — спросил он. — Которая вчера суп на Крамера вылила?

— Я не выливала. Оно само. Это была случайность.

— Ага. Случайность. — Зуев кивнул. — А орхидея на лысине — тоже случайность?

— Она упала. Орхидея. Я вообще против насилия. Особенно цветочного.

Зуев хмыкнул. Двери лифта открылись, и Ася шагнула в приёмную сорокового этажа.

Приёмная была размером с её квартиру. Белые стены, кожаные кресла, секретарша с идеальной укладкой и взглядом удава. На столе у секретарши стояла одинокая орхидея в горшке. Ася посмотрела на неё с личной обидой.

— Цветкова? — секретарша даже не подняла головы. — Вас ждут. Прямо по коридору. И постарайтесь ничего не уронить.

— Это девиз всей моей жизни, — пробормотала Ася.

Она толкнула тяжёлую дубовую дверь. Та открылась бесшумно, как ворота в преисподнюю.

Кабинет Германа Викторовича Шторма был под стать хозяину: огромный, серый, безупречный. Панорамные окна во всю стену. Стол из чёрного дерева, на котором ничего лишнего: ноутбук, телефон, папка с досье. И макет. Огромный, метра полтора в длину, архитектурный макет нового стадиона, стоящий на отдельной подставке у стены.

Шторм сидел за столом. Костюм на этот раз был тёмно-синим, ещё строже вчерашнего. Он что-то печатал, не поднимая глаз. Ася замерла в дверях, не зная, то ли кашлянуть, то ли сразу лечь на пол и притвориться ковриком.

— Садись, — бросил Шторм, не глядя.

Ася села. Кресло было мягким, глубоким. Оно немедленно засосало её так, что колени оказались выше головы. Ася попыталась выбраться, но только глубже увязла. Кресло победило.

— У тебя долг перед рестораном, — начал Шторм всё тем же ледяным тоном. — Передо мной. И перед обществом.

— Перед обществом? — удивилась Ася.

— Ты опозорила фамилию Шторм.

— Я не ношу эту фамилию уже два года! И вообще, это была авария!

— Аварию видно на камерах. Ты бежала с орхидеями, как пожарный с гидрантом, врзалась в администратора и устроила цунами.

Ася открыла рот. Закрыла. Открыла снова.

— Там был ковёр. Он скользкий.

— Ковёр лежит там десять лет. Никто не падал. Появляешься ты — и за десять секунд уничтожаешь сделку на двести миллионов.

— Я не знала, что это ваша сделка.

— Теперь знаешь.

Шторм пододвинул к ней папку. Ту самую, которую собирал Зуев.

— Здесь твои долги, твоя просроченная аренда и твой мёртвый кактус. Я оплачу всё. И добавлю сверху сумму, которой тебе хватит, чтобы начать жизнь заново. Но взамен ты сделаешь одну вещь.

Ася подозрительно прищурилась.

— Если это роль живца на переговорах, я пас.

— Это роль девушки.

Повисла пауза. Где-то вдалеке, за панорамным окном, пролетела птица. Она была свободна и явно не понимала своего счастья.

— Простите? — переспросила Ася.

— Моя мать, Алла Павловна, последние полгода живёт в загородном поместье и сходит там с ума от скуки. Она требует, чтобы я нашёл себе спутницу. «Девушку для души». Я не ищу спутницу. Мне не нужна девушка. Мне нужен покой. Но Алла Павловна устроит мне покой только после того, как увидит рядом с моим плечом женщину. Ты будешь этой женщиной.

Ася моргнула. Раз. Другой.

— То есть... вы хотите, чтобы я притворилась вашей девушкой? Перед вашей мамой?

— Я хочу, чтобы ты пожила в поместье, составила ей компанию, поиграла в карты, погуляла по саду и сделала всё, чтобы она оставила меня в покое на ближайшие полгода. Ты получаешь деньги и забываешь о долгах. Я получаю тишину.

— А если я не соглашусь?

Шторм пожал плечами. Движение было экономным, почти незаметным.

— Тогда счёт из ресторана уйдёт в суд. Плюс иск о срыве сделки. Твоих долгов хватит, чтобы забыть о кредитной истории на ближайшие десять лет.

Ася смотрела на него. Герман Викторович смотрел на неё. В их молчании шла незримая война.

— Вы шантажируете меня, — сказала она наконец. — Это какой-то новый уровень.

— Это бизнес.

— Это абюз.

— Это предложение.

Ася вздохнула и откинулась в кресле. Кресло радостно засосало её ещё глубже. Теперь из него торчали только голова и колени.

— Хорошо. Я согласна. Но только на два месяца. И вы не указываете мне, во что одеваться.

— Указываю, — отрезал Шторм. — Моя мать не поверит, что я выбрал девушку в жилетке.

— Жилетка была рабочая форма! И между прочим, вам очень шли устрицы на брюках. Добавляли человечности.

Шторм прищурился. Ася поняла, что перегнула, и вжалась в кресло.

— Завтра в девять за тобой приедет машина, — продолжил он. — Собери вещи. Возьми минимум. В поместье есть всё необходимое.

— Кроме свободы, — буркнула Ася.

— Свобода оплачивается. У тебя с этим проблемы.

Она поднялась. Точнее, попыталась. Кресло держало крепко. Пришлось сделать три попытки, прежде чем ей удалось выкарабкаться, при этом правая туфля зацепилась за ножку стола. Ася пошатнулась, взмахнула руками и, пытаясь восстановить равновесие, сделала шаг назад.

Шаг назад привёл её ровно к подставке с макетом стадиона.

Макет был шедевром инженерной мысли. Крошечные трибуны, микроскопические фигурки, выдвижная крыша из оргстекла. Он создавался три месяца. Стоил он как приличный автомобиль. Ася задела его локтем.

Сначала накренилась крыша. Потом с лёгким хрустом отломилась западная трибуна. Затем, в замедленной съёмке, достойной голливудского блокбастера, весь макет начал завали-

ваться набок. Ася попыталась поймать него, но поймала только воздух и одну микроскопическую фигурку футболиста.

Макет рухнул на пол с грохотом, который разнёсся по всему сороковому этажу.

В кабинете повисла мёртвая тишина.

Ася стояла над обломками, сжимая в кулаке пластикового футболиста. Её лицо приобрело цвет штукатурки.

Шторм медленно снял очки. Медленно потёр переносицу. Медленно посмотрел на то, что осталось от трёх месяцев работы его архитектурного бюро.

— Цветкова, — произнёс он. Голос был спокойным. Даже слишком спокойным.

— Да? — отозвалась она еле слышно.

— Ты знаешь, сколько это стоило?

— Боюсь спрашивать.

— Не бойся. Ты уже это купила. В рассрочку. На ближайшие сто лет.

Шторм нажал кнопку селектора. Голос секретарши отозвался мгновенно:

— Да, Герман Викторович?

— Запиши ещё минус три миллиона к долгу Цветковой. Статья — макет стадиона.

— Принято, — ответила секретарша таким тоном, будто ей только что сообщили о заказе пиццы.

Ася стояла, всё ещё сжимая футболиста.

— Я могу это починить, — пролепетала она.

— Не надо. Положи фигурку и выйди. Медленно. Ничего не трогая. Дышать разрешаю.

Ася положила футболиста на край стола. Развернулась. Сделала шаг к двери. Не споткнулась. Вторым шагом. Тоже удачный. У самой двери она обернулась.

— Герман Викторович, а что за макет?

— Стадион. Мы строим.

— А... — Ася помялась. — А команда-то хоть хорошая?

Шторм поднял на неё глаза. В них читалось желание кого-нибудь уволить. Лучше всего — саму жизнь.

— Вон, Цветкова.

Она вышла. Дверь закрылась. В кабинете остался только Шторм, обломки стадиона и одинокая пластиковая фигурка, которая каким-то чудом выжила.

Герман Викторович взял фигурку, повертел в пальцах и аккуратно поставил на стол.

— Два месяца, — произнёс он в пустоту. — Всего два месяца. Я выдержу.

Пустота не ответила. Но где-то внизу, на первом этаже, Ася Цветкова пыталась выйти из здания и уже умудрилась застрять в турникете.

Охранник смотрел на неё с жалостью.

Зуев, наблюдавший за происходящим по камерам, сделал пометку в блокноте: «Объект передвигается. Уровень опасности — повышенный».

Война со Штормом только начиналась. И Ася пока не знала, что её главное оружие — не неуклюжесть.

Её главное оружие — неспособность сдаваться.

Глава 3

Загородный дом Штормов. Это был двухэтажный особняк из серого камня, окружённый соснами настолько старыми, что они помнили ещё те времена, когда Штормы не строили, а служили. Внутри пахло антикварной мебелью, дорогим деревом и одиночеством.

Ася прибыла сюда во вторник, в десять утра. Машина, присланная Штормом, была чёрной, длинной и бесшумной — как катафалк, только с кожаным салоном. Водитель за всё время не произнёс ни слова, и Ася успела с ним мысленно подружиться, поссориться и снова помириться.

На крыльце её встречала Алла Павловна.

Ася видела эту женщину дважды за всю свою недолгую семейную жизнь. Оба раза — мельком. Оба раза — с ощущением, что её взвешивают на невидимых весах. Сейчас Алла Павловна стояла, опираясь на трость с серебряным набалдашником, и разглядывала гостью с таким интересом, с каким разглядывают новую картину в галерее. Непонятно пока — шедевр или мазня.

— Значит, это ты, — произнесла Алла Павловна вместо приветствия.

— Я. Анастасия. Можно Ася.

— Знаю, что Ася. Герман предупредил. Сказал: «Привезу девушку, будет тебя развлекать». Я думала — медсестру. А он привёз флориста. Логика моего сына иногда пугает.

Ася хотела сказать, что она тоже иногда пугается, но промолчала. Вместо этого она улыбнулась и сделала шаг вперёд. Крыльцо было скользким от утренней росы. Правая нога поехала вперёд, левая осталась на месте, и Ася проехала по камню с грацией новорождённого оленя, успев схватиться за перила в последний миг.

Алла Павловна наблюдала за этим кульбитом с непроницаемым лицом.

— Ты всегда так передвигаешься?

— Стараюсь разнообразить, — ответила Ася, цепляясь за перила. — Иногда падаю боком. Иногда спиной. Вчера упала лицом в суп, но это уже профессиональное.

Алла Павловна помолчала. Затем уголок её губ — тонких, подкрашенных помадой цвета «бордо» — дрогнул.

— Заходи. Покажу твою комнату. И держись за стены. Они крепкие.

Комната оказалась на втором этаже, с окном в сад. Кровать — широкая, с балдахином. Шкаф — резной, тёмного дуба. Зеркало в полный рост, перед которым Ася немедленно споткнулась о край ковра и чуть не уронила торшер. Торшер устоял. Ася — тоже. День начинался подозрительно удачно.

Первая неделя в поместье прошла под знаком тихой войны. Алла Павловна оказалась не тираном, а тактиком. Она не приказывала — она предлагала так, что отказаться было невозможно. Они играли в бридж, и Ася проигрывала с такой регулярностью, что старуха начала уважать её за упорство. Они гуляли по саду, и Ася умудрилась упасть в куст роз, выбравшись оттуда с тремя царапинами и одним неожиданно философским выводом: «Красота требует жертв, но не до такой же степени».

На пятый день Алла Павловна сказала:

— Ты ей-богу странная. Мой сын таких обычно не выбирает. У него были модели, актрисы, одна балерина... Все — холодные, как рыбы. А ты тёплая. И падаешь постоянно. Может, в этом секрет?

— Секрет в том, что я его должница, — ляпнула Ася и тут же прикусила язык.

Но Алла Павловна лишь усмехнулась. Она вообще много чего знала и не спешила этим делиться.

Вечер пятницы изменил всё.

Герман приехал без предупреждения, в половине седьмого. Чёрный автомобиль втянулся в ворота, и Ася, стоявшая у окна с чашкой чая, поперхнулась. Она не видела его неделю и надеялась, что эта неделя продлится ещё хотя бы лет пять.

— О, сын приехал, — сообщила Алла Павловна из гостиной. — Иди встречай.

— Может, я лучше тут? — отозвалась Ася. — У меня чай недопитый.

— Иди.

Ася спустилась в холл. Шторм уже стоял там — в чёрном пальто, с дорожной сумкой в руке. Неделя в офисе не смягчила его черт. Он выглядел так, словно только что отклонил чью-то мольбу о пощаде.

— Добрый вечер, — произнёс он, окидывая её взглядом. Ася была в домашнем платье — простом, светлом, до колена. Никакой жилетки. Никаких орхидей. Почти неузнаваема.

— Добрый вечер, — отозвалась она.

— Как мать?

— В порядке. Играет в бридж. Вчера выиграла у меня триста рублей. Я подозреваю, что она шулер.

Шторм едва заметно дёрнул бровью. Это означало то ли удивление, то ли insult — Ася пока не научилась различать.

Ужин прошёл в обстановке почти мирной. Алла Павловна развлекала сына историями о том, как они с Асей пересаживали розы и как Ася упала в клумбу, перепутав тяпку с граблями. Шторм слушал молча, изредка переводя взгляд на Асю. Его глаза, серые, как февральский лёд, ничего не выражали.

После ужина Алла Павловна удалилась в свою спальню, заявив, что стара для долгих посиделок. Ася и Шторм остались вдвоём в гостиной.

Камин догорал. За окнами шумели сосны.

— Твоя работа — развлекать мать, — произнёс Шторм, не глядя на неё. — Но я не припомню, чтобы в контракте значился полив сада из пожарного шланга.

Ася замерла.

— Она сама предложила. У нас был засушливый день.

— Вы залили антикварную беседку.

— Мы её спасали! Розы хотели пить!

— Беседка девятнадцатого века не предназначена для водных процедур. Завтра приедет реставратор. Угадай, кто оплатит его работу?

Ася вздохнула и села в кресло. На этот раз аккуратно, без происшествий.

— Послушайте, Герман Викторович. Я стараюсь. Правда. Но ваша мать — она скучает. Не по бриджу, не по розам. По вам. Она хочет, чтобы вы приезжали чаще. А вы привозите ей суррогат в виде меня. Может, проблема не в моей неуклюжести, а в том, что вы — ледяная глыба?

Шторм повернулся. Медленно.

— Что ты сказала?

— Ледяная. Глыба. — Ася сама удивилась своей смелости. — Вы контролируете всё. Бизнес, счета, макеты, людей. Но вы не контролируете только одно — собственное сердце. Потому что его нет.

— Цветкова, ты переходишь черту.

— Я уже перешла все черты! Я разбила ваш макет, я уронила ваши устрицы, я живу в вашем доме и делаю то, что вы сказали. Но вы даже «спасибо» не произнесли. Вам сложно быть человеком?

Он встал. Она тоже встала. Они стояли друг напротив друга в полумраке гостиной. Он — на полторы головы выше. Она — с пылающими щеками и дрожащими пальцами.

— Ты ничего не понимаешь, — произнёс он тихо.

— Так объясните.

— Не умею.

Ася шумно выдохнула.

— Хотите, покажу как? — неожиданно для самой себя спросила она.

И, не дожидаясь ответа, шагнула к нему.

Первый её жест вышел смазанным. Она потянулась к его галстуку — хотела просто ослабить узел, чтобы ему «стало легче дышать». Но пальцы соскользнули, и она дёрнула сильнее, чем планировала. Шёлк с тихим шорохом затянулся в тугой комок, и Шторм издал сдавленный звук.

— Простите! — Ася принялась распутывать узел. Её пальцы — тонкие, с обломанными ногтями, пахнущие землёй после сада — скользили по его шее, задевая кадык, касаясь тёплой кожи над воротником. От него пахло дорогим одеколоном и чем-то ещё — металлическим, сухим, как разогретый на солнце камень.

Шторм стоял неподвижно. Его дыхание стало глубже. Грудь под рубашкой поднималась и опускалась размеренно, но в этом ритме появилась едва заметная заминка — как сбой в отлаженном механизме.

— Что ты делаешь? — спросил он.

— Расслабляю вас. — Ася наконец справилась с галстуком и вытянула его из-под воротника. Затем, осмелев, взялась за верхнюю пуговицу рубашки. — Вот. Так лучше.

Пуговица поддавалась с тихим щелчком. Открылась ложбинка между ключицами — сухая, резко очерченная. Ася скользнула подушечками пальцев по краю воротника, и её указательный палец случайно задел выступающую косточку запястьем вниз. Кожа у него была горячей и гладкой.

— Смелее, — произнёс Шторм. Это не было приглашением. Это был вызов.

— Я и не боюсь, — соврала Ася.

Она взялась за вторую пуговицу. Потом за третью. Её движения были неловкими, но именно эта неловкость создавала странное напряжение — словно каждое прикосновение было случайным и оттого ещё более острым. Когда четвёртая пуговица поддавалась, её ноготь черкнул по его груди — лёгкая белая полоска на загорелой коже. Шторм перехватил её запястье.

— Ты играешь, — сказал он. Голос стал ниже. — Но я не люблю игры.

— А я не люблю, когда на меня смотрят как на пятно, — ответила Ася и высвободила руку.

Дальнейшее произошло быстрее, чем она успела осознать.

Он подался вперёд — не резко, но неумолимо, как надвигающийся прилив. Его ладонь легла на её поясницу — широкая, сухая, с длинными пальцами, которые сразу нашли изгиб позвоночника и прижали её к себе. Сквозь тонкую ткань платья Ася почувствовала жар его тела — плотный, почти обжигающий. Её ладони упёрлись в его грудь, туда, где рубашка уже распахнулась и обнажила рельеф мышц. Под пальцами у неё оказалась горячая, гладкая кожа, под которой угадывалась твёрдая мускулатура.

— Ты сама напросилась, — выдохнул он ей в висок.

Его рот накрыл её рот. Поцелуй был жёстким, без предисловий. Его губы — сухие, твёрдые — вдавились в её мягкие, приоткрытые от неожиданности. Язык скользнул внутрь сразу, без спроса, и Ася издала звук — то ли протест, то ли согласие, — утонувший в его гортани. От него пахло чёрным чаем и чем-то терпким. Усы кольнули верхнюю губу — короткая вспышка дискомфорта, сменившись новой волной жара.

Его руки тем временем спустились ниже. Ладони гладили её бёдра — сначала поверх платья, затем нырнули под подол. Пальцы — сильные, с коротко остриженными ногтями — прошли по задней поверхности бёдер, сжали ягодички через тонкое кружево. Ася охнула и подалась вперёд, вжимаясь животом в его пах. Там, под тканью брюк, уже обозначилась твёрдая, настойчивая выпуклость.

— Диван, — скомандовал он.

— Что?

— Сядь на диван. Пока ты не упала.

Они двинулись к дивану единым, спотыкающимся организмом. Асина пятка зацепилась за край ковра — она начала заваливаться назад, утягивая его за собой. Шторм попытался удержать равновесие, но инерция была сильнее. Они рухнули на диван с такой силой, что старые пружины взвизгнули. Подушка слетела на пол. Локоть Аси попал во что-то холодное и липкое — вазочку с вареньем, забытую на журнальном столике. Варенье потекло по обивке.

— Чёрт, — выдохнула Ася.

— Плевать.

Он навис над ней. Рубашка свисала с плеч двумя белыми крыльями. В свете камина его торс казался вырезанным из тёмного дерева — широкие плечи, рельефная грудь, мышцы живота, расчерченные на квадраты. Ася провела ладонью по его животу — кожа здесь была гладкой, горячей, и каждый мускул под ней отзывался короткой судорогой.

Его пальцы взяли за бретельку её платья. Одно движение — и ткань соскользнула с плеча, обнажив ключицу и верх груди. Ася замерла. У неё была красивая грудь — не слишком большая, с бледно-розовыми сосками, которые сейчас напряглись от прохлады и волнения. Шторм накрыл левую грудь ладонью — не грубо, но властно, ощупывая, взвешивая. Большой палец обвёл сосок, и тот мгновенно затвердел.

— Дыши, — приказал он.

— Я дышу.

— Нет. Ты замерла.

Его пальцы спустились ниже — по рёбрам, которые проступали под кожей, когда она выдыхала, по животу, мягкому и чуть вздрагивающему. Затем он задрал подол её платья до талии. Кружево трусиков промокло насквозь — это было заметно даже в полумраке. Ася зажмурилась. Стыд и возбуждение смешались в один пульсирующий комок где-то внизу живота.

Он не спрашивал разрешения. Его пальцы отодвинули край кружева и скользнули внутрь — сначала один, затем два. Влажные складки раскрылись под его прикосновением, и Ася издала стон, больше похожий на всхлип. Его пальцы двигались внутри неё — медленно, изучающе, находя тот самый ритм, от которого её бедра начали подрагивать.

— Смотри на меня, — велел он.

Она открыла глаза. Его лицо было совсем близко — жёсткая линия челюсти, приоткрытые губы, серые глаза, в которых лёд наконец треснул. Он смотрел на неё так, будто впервые увидел.

— Расставь ноги шире.

Она подчинилась. Колени разошлись в стороны, платье задралось ещё выше. Он стянул с неё трусики одним движением — кружево лопнуло по шву, — и бросил их на пол. Затем расстегнул брюки. Ася услышала звук молнии — резкий, металлический, — и задержала дыхание.

Он вошёл в неё без предупреждения. Одним глубоким, сильным движением.

Ася вскрикнула и вцепилась пальцами в его плечи. Внутри всё сжалось вокруг его плоти — твёрдой, горячей, заполнившей её до предела. На несколько секунд он замер, давая ей привыкнуть, и в эти секунды она чувствовала каждый толчок пульса внутри себя.

Затем он начал двигаться. Толчки были размеренными, глубокими, без суеты. Его бедра вжимались в её бедра с влажным шлепающим звуком. Диван скрипел в такт. Где-то тикали напольные часы. Ася обхватила его ногами за поясницу, и угол проникновения изменился — теперь каждое движение задевало ту самую точку внутри, от которой искры летели перед глазами.

— Быстрее, — прошептала она.

Он подчинился. Темп нарастал. Его дыхание стало рваным, на лбу выступила испарина. Одна его рука держала её за бедро, вторая легла на горло — не сжимая, но ощутимо, фиксируя, лишая возможности отвернуться. Ася чувствовала, как внутри неё нарастает горячая, тугая волна. Она закусила губу, чтобы не закричать, но он сказал:

— Не сдерживайся.

И она не сдержалась. Оргазм накрыл её с головой — внезапный, судорожный, с громким стоном, утонувшим в его плече. Внутренние мышцы сжались вокруг него, и он, сделав ещё три резких движения, кончил следом — с низким горловым рыком, уткнувшись лбом в её ключицу.

Несколько минут они лежали неподвижно. Диван больше не скрипел. Часы всё тикали. Потом он приподнялся, опираясь на локти, и посмотрел на неё.

— Ты в варенье, — сообщил он.

Ася перевела взгляд на свой локоть. Затем на диван. Затем на его грудь, куда тоже переползла липкая лужица.

— Вы тоже.

Шторм опустил взгляд. На его рёбрах красовалось малиновое пятно.

Они встретились глазами. И Ася, не удержавшись, хихикнула. Затем ещё раз. Затем уже откровенно засмеялась, уткнувшись носом в подушку, которая всё ещё пахла его одеколоном.

Он не смеялся. Но уголок его рта дрогнул. Чуть заметно. На какие-то полмиллиметра.

— Я выиграла, — прошептала Ася.

— Что?

— Ты улыбнулся.

Шторм сел и начал застёгивать брюки.

— Это нервное.

— Нервное — это когда глаз дёргается. А это была улыбка. Я видела.

Он ничего не ответил. Подобрал с пола разорванные трусики, повертел в пальцах и положил на подлокотник.

— Завтра приедет реставратор. Беседка. Не забудь.

— Обязательно упаду в неё, — пообещала Ася.

Шторм встал и направился к лестнице. У самой двери он обернулся.

— Сладких снов, Цветкова.

Ася замялась. Хотела сказать «вы», но язык не повернулся после того, что было.

— И тебе, — ответила она.

Он задержал взгляд на секунду дольше обычного.

— Спокойной ночи, Ася.

И вышел.

Ася осталась сидеть на диване — растрёпанная, липкая от варенья, без трусиков, с всё ещё горящими щеками и тихим эхом его голоса где-то в груди.

Она сама не заметила, как начала улыбаться.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.